

УДК 316(091):316.32+159.923

**«СТРАХ ЕСТЬ СДЕРЖИВАЮЩЕЕ НАЧАЛО...»: ОБРАЗ ВРЕМЕНИ
ВЛАДИМИРА ШЛЯПЕНТОХА***О. Л. Лейбович*

Произведена реконструкция взглядов русско-американского социолога В. Шляпентоха на роль страха в истории общества. Поставлен вопрос: что движет человеческими поступками: ценностные ориентации, сформированные культурой, или эмоции, вызванные воздействием внешних сил? Установлено, что споры между социологами оказывают решающее воздействие на способы исторического описания.

Ключевые слова: объяснительная концепция, гуманитарные парадигмы, эмоции, страх, общественный порядок.

Так сложилось, что историки, как правило, ищут объяснительные концепции в смежных гуманитарных дисциплинах: сперва в философских, затем все чаще в социологических. Под грандиозной соловьевской конструкцией русской истории угадывается мощный фундамент гегелевской философии государства. Географический детерминизм Ш. Монтескье, заново аранжированный социологами школы Мечникова, несомненно, оказал влияние на исторические взгляды В. О. Ключевского. Современный историк, не чуждый теоретических притязаний, также обращается к социологии в поисках надежного нового исследовательского инструментария. Однако современное социологическое знание не обладает целостностью. В нем соперничают несколько авторитетных школ. Историк, желающий опереться на социологическую теорию, должен отдавать себе отчет в том, к какой традиции он апеллирует. Чаще всего он вынужден пользоваться теоретическими моделями ушедшей эпохи.

Гуманитарные парадигмы отличаются изумительной живучестью; кажется, они не подвластны времени. Куновская идея научных революций отступает перед силой традиций. Для нынешнего состояния науки, подчеркивает современный исследователь, характерно «...сохранение неразрывной связи между классической и современной теоретической социологией» [Титаренко, 2009, с. 16].

В чем причины незыблемости гуманитарных конструкций, сейчас обсуждать не будем. В литературе можно встретить несколько версий. Теоретическое знание настолько фрагментировано, что недоступно генерализации и, стало быть, концептуальному обновлению [Джонсон, Дандекер, Эшурт, 1993, с. 83–105]. Нет соответствующего запроса со стороны общества [Филиппов, 2008]. В среде социологов довлеют травмирующие воспоминания о болезненном процессе профессионального институционального самоопределения, вернее, его выделения из больших философских систем. Так, вплоть до начала 1930-х гг. немецкие обществоведы мучительно искали ответ на вопрос, чем они, собственно, занимаются [Lepenes, 2006, p. 407].

Все эти версии нуждаются в дополнительной верификации. Достаточно на первых порах ограничиться признанием того факта, что «...основной корпус концепций и понятий, которыми сейчас оперируют социологи, составляют кроме классических, по преимуществу, те, что возникают, в общем, в спокойное время после второй мировой войны» [Филиппов, 2000].

Речь идет в первую очередь о большой теории Т. Парсонса, призванной помочь интерпретировать современное общество в его целостности и многообразии. А. Филиппов называет Парсонса главным советским социологом «...(в идейном, конечно, смысле), с начала шестидесятых годов и по сей день (несмотря на все натужные новации)» [Филиппов, 2000].

Нет нужды пересказывать здесь большую концепцию Т. Парсонса; заметим только, что в ней не нашлось места для описания эмоциональной составляющей социального действия, т. е. всех сильных чувств: любви, ненависти, страха, восторга, управляющих человеческими поступками. Парсонсова система, переложенная на язык истории, позволила описать социальные институты, развернутые во времени и пространстве, помогала отыскать акторов исторического действия, но не предусматривала знания того, какими эмоциями они руководствовались, выбирая для себя те или иные стратегии. Все возвращалось к Гегелю, для которого человек был не более чем диалектический момент в развитии, а для Парсонса – обезличенный носитель социальной функции.

Попытки опрокинуть грандиозное социологическое сооружение, созданное Т. Парсонсом, предпринимались и раньше – на германской почве. Имеются в виду страстные бутады Г. Шельски против «нового клира», либеральных «производителей смыслов», в том числе профессиональных социологов. В своем памфлете под говорящим названием «Работу делают другие» Г. Шельски разоблачал «классовое господство» людей, придерживающихся левых взглядов, более того, относящихся к собственным идеям как к священному писанию: «На место Круппа и Баллина, Тиссена и Флика с генеральными директорами и акционерами – как символами угнетения в качестве равноценных конкурентов заступили Белль и Грасс, Маркузе и Мичерлих с их интеллектуальными «шоуменами», владыками свободного времени, а также агентами среди министров и депутатов» [Schelsky, 1975, p. 94, 102, 106].

Позицию Г. Шельски значительно ослабляла склонность к морализаторству и, как вежливо заметил один из французских рецензентов, стремление выйти «за границы собственно социального знания, ...определить характерные черты современной цивилизации и поставить “диагноз” нашей эпохе» [Darbois, Schelsky, 1966, p. 410]. Немецкие критики Шельски с диагнозом не согласились, тут же объявив его идейным наследником К. Шмитта – «...этого мнимого спасателя демократии», который на деле «помогал разрушить парламентаризм в Веймарской республике и тогда, когда и парламентаризм, и демократия были уничтожены, перебежал к Гитлеру». Шельски напомнили и о его собственном национал-социалистическом прошлом [Malanowski, 1983]. Полемические статьи, по оценке российского наблюдателя, отличались чрезвычайной эмоциональностью [Филиппов, 1989, с. 168–196]¹. Даже Р. Дарендорф, обычно сохранявший академическую сдержанность, назвал оппонента «идеологом новых правых», сославшись на «...то воодушевление, с которым он (Шельски. – О. Л.) разоблачает современность – в ее духовной форме – Просвещения и в ее правовой форме – гражданственности» [Heinemann, 2009].

Впрочем, критики Г. Шельски не ответили на его, может быть, главный тезис: о духовном обеднении германской социологии и дефиците в ней оригинальных идей [Schelsky, 1980, s. 11–69].

Спустя четверть века на штурм основной парадигмы гуманитарного знания пошел Владимир Шляпентох – человек совершенно иных духовного склада, интеллектуальной биографии и политических ориентаций. С Шельски его роднит только дно обстоятельство: оба они принадлежат к отцам-основателям национальных социологических школ: первый – в ФРГ, второй – в СССР. Но если Г. Шельски после «левого поворота» в 1969 г., почувствовав себя изгоем в университетском сообществе, нашел себе убежище в университете г. Мюнстера, то В. Шляпентоха в 70-е гг. просто «вытолкнули в эмиграцию» [Шляпентох, 2006, с. 10]. «В. Шляпентох в роли открывателя социологических истин не устраивал кураторов социологии из отдела науки ЦК КПСС... Допускаю, что они не вели личной борьбы с В. Шляпентохом. Их цели были более высокими: нужна сервильная социология, не способная возвысить свой голос до протеста против вопиющих несообразностей жизни. В. Шляпентох не из тех, кто мог согласиться на примитивную дрессуру социологической мысли» [Фирсов, 2007].

Став американским профессором, Вл. Шляпентох остался советским интеллигентом эпохи «оттепели» – «шестидесятником» с обостренным чувством социальной справедливости, демократизмом, стремлением (и умением) идти против течения, с обостренным чувством собственного достоинства. В его очерке, посвященном памяти Юрия Левады, явственно проступают личностные черты автора: прежде всего способность противостоять «ужасному времени», не бояться быть отверженным, делать свою работу [Шляпентох, 2007а].

В своей книге «Страх в современном обществе: его негативные и позитивные последствия» [Slapentokh, 2006]. Владимир Шляпентох бросает вызов большому социологическому мейнстриму, или, если воспользоваться советским новоязом, Генеральной линии, с присущей ей левой либеральной ориентацией. Ее генезис можно обнаружить в истории социологического знания. Для отцов-основателей социологии изучение общества было неразрывно связано с надеждой на социальную реформу в социалистическом и либеральном духе.

В критике либеральных иллюзий В. Шляпентох солидарен с Г. Шельски. Оба автора обращают внимание на культурный разрыв между элитой и обществом, на интеллектуальное высокомерие производителей общественного мнения: «Российские либералы оказались в плену насаждаемых советской идеологией представлений о капитализме как о звериной общественной системе, в которой глубокое неравенство культивируется обществом, прежде всего бизнесом. ...Правящая

элита и большинство граждан России находятся на противоположных полюсах в своих взглядах на социальное равенство и справедливость. Они говорят на совершенно разных языках» [Шляпентох, 1998]. Истоки этого явления он обнаруживает в далеко идущем развращении «верхов» отечественной интеллигенции в эпоху Брежнева [Slapentokh, 1990, p. 202]. Впрочем, автору чужды, даже противны и казенные социологи, те «...кто открыто заявляют о ненависти к Западу, демократии, “либеральной идеологии” и “космополитизму”» [Шляпентох, 2007б].

Критике либеральных идей сопутствует разработка психологического контекста социального действия, что не в меньшей степени означает разрыв с сильной социологической традицией. Институализации социологии как особой отрасли науки предшествовал официальный «развод» с психологией, память о котором и век спустя жива в сознании социологов, ревниво оберегающих границы своего предмета от проникновения чуждых ему тем и проблем.

Свой интерес к исследованию роли страха в жизни современных обществ автор объясняет своими подростковыми и юношескими переживаниями: чувством страха перед советским государством и его «тайной полицией» – НКВД. Жизненный опыт человека, выросшего в годы террора, подсказал ему, что самой яркой характеристикой советского общества является страх [Slapentokh, 2006, p. 1]. С этого утверждения и начинается книга. В. Шляпентох поэтому не может согласиться с мнением «исторических ревизионистов», полностью игнорирующих роль страха в обществах советского типа или ограничивающих ее [Фитцпатрик, 2008, с. 14] только воздействием на людей, принадлежащих к семьям «с дурным социальным происхождением» [Slapentokh, 2006, p. 138]: «Тогда вся интеллигенция и партаппарат, а также крестьяне изнывали от страха, как и, хотя в меньшей степени, все остальное население» [Шляпентох, 2006, с. 3].

Но книга о страхе не посвящена советскому прошлому. Автора интересует место страха в современных обществах. В его предшествующей книге на ту же тему рассматривалось воздействие страха на социальное поведение индивидов «после социализма» [Катастрофическое сознание..., 1999]. Тема страха в первом исследовании была ограничена строгими рамками – страх перед катастрофами: «Предмет данного исследования – страх перед социально значимыми негативными событиями и процессами, оцениваемыми массовым сознанием как катастрофа, – объявлялось во Введении. – Нас не будут интересовать проблемы типа безработицы, смертельной болезни или гибели близких. В центре внимания – массовые страхи и ожидания катастрофических сдвигов, начиная от угроз местного значения до региональных, национальных и планетарных». Аргументом в пользу такого выбора, не привычного для социологии, назначался «...здоровый смысл, на котором базируется наука» [Катастрофическое сознание..., 1999, с. 6]. Авторы книги дерзнули, отталкиваясь от психологической концепции экзистенциального страха Карла Юнга [Юнг, 2003], согласно которой этот страх всегда существует в обществе, «разработать теоретическую структуру, способную помочь нам понять место страха в социальной жизни». Для Владимира Шляпентоха и его соавторов такое намерение казалось вполне своевременным, не в последнюю очередь из-за того, «...что в современной России наблюдается опасно высокий уровень катастрофического сознания в определенных группах и высокий уровень массовых страхов в обществе в целом» [Катастрофическое сознание..., 1999, с. 8–9]. В книге, опубликованной в следующем году, эта идея воспроизводится дословно [Матвеева, Шляпентох, 2000, с. 8]. В монографии 1999 г. (новосибирское издание представляет собой ее сокращенную версию) подвергнуты анализу материалы конкретных социологических исследований, проведенных в 1990-е гг. по единой программе, разработанной В. Шляпентохом для России, Литвы, Болгарии, Украины. По результатам анализа авторы монографии сделали следующие выводы:

Страх – постоянная компонента социальной жизни, «необходимое условие нормального функционирования сообществ». Он эволюционирует вместе с ними, появляясь все в новых исторических формах. «Непосредственный страх перед физическим насилием уступает место другим видам страха». Его нельзя считать ни добром, ни злом. «Страхи амбивалентны. ...Мы можем смотреть на страхи как на очень мощное лекарство, которое имеет весьма опасные “побочные эффекты”».

Социальный смысл страхов состоит в том, что они выполняют «упорядочивающую организационную функцию», иначе говоря, участвуют в социализации новых поколений и других общественных групп. ... «Репрессии и кары на непослушных служили их исправлению и назиданию окружающих».

И, наконец, заключительный вывод: «В культурной и исторической памяти россиян накопи-

лось множество страхов. Эти страхи, в частности, страхи, господствовавшие при тоталитаризме, во многом препятствовали развитию позитивных социальных процессов. Сейчас новые посттоталитарные страхи, пришедшие на смену прежним, так же как историческая память о былых страхах, являются своего рода “страховкой” от “резких движений”. Несомненно, страх – не самая лучшая основа для затяжного кризиса, в котором пребывает Россия. Тем не менее, возможно, это настроение оказывает стабилизирующее воздействие» [Катастрофическое сознание..., 1999, с. 40, 46, 50, 55, 307].

Позднее В. Шляпентох признает, что его интерпретация страха через призму советской истории повлекла за собой некоторые aberrации в строительстве новой концепции. «Советский опыт... первоначально был препятствием для понимания роли страха в демократических обществах и даже в постсоветской России. ...Убеждение, что американцы не страдают от страха, было воспитано у меня и моих друзей в Советском Союзе. И потребовалось время, чтобы преодолеть это ложное восприятие Соединенных Штатов и понять значение страха в этом обществе. Не менее важной была моя почти слепая вера в мейнстрим американской социологии как в абсолютно адекватное отражение американского общества. Как и почти все мои советские коллеги, я находился под сильным влиянием Талкотта Парсонса и верил, что порядок в американском обществе опирается на усвоенные (интернализированные) ценности и что Гоббс не имеет ничего общего с жизнью в Америке» [Slapentokh, 2006, p. 5]. Вот с этими своими заблуждениями автор сводит счеты в новой книге о страхе. Он исходит из того, что «мейнстрим в социальных знаниях со второй половины XX в. недооценивает роль страха в поддержании социального порядка и формировании качества жизни». В издании 1999 г. эта мысль уже присутствует, правда, в несколько смягченной форме: «Страх есть сдерживающее начало, формирующееся под влиянием различных факторов. ...Страх способен трансформироваться в иные социальные чувства, такие как сдержанность, осторожность и предусмотрительность, – чувства, более соответствующие зрелому обществу, в том числе социальной зрелости общества» [Катастрофическое сознание..., 1999, с. 33, 307].

Далее В. Шляпентох перечисляет грехи и слабости современного социологического мейнстрима: тот игнорирует решающую роль социального порядка и опасности преступности, в том числе коррупции в обществе; переоценивает роль усвоенных (интернализированных) ценностей в сохранении порядка, смешивает ценности с нормами; переоценивает роль всеобщих ценностей, игнорирует деструктивный характер некоторых ценностей; фокусирует внимание исключительно на спонтанном происхождении ценностей и норм «снизу», недооценивает происхождение некоторых ценностей и норм «сверху» в результате деятельности элит; переоценивает роль неформального контроля и недооценивает формальный контроль, особенно позитивную роль государства в поддержании порядка [Slapentokh, 2006, p. 7]. В этом перечислении можно легко обнаружить руководящую мысль автора, идеологию книги и даже ее структуру. Свое кредо Шляпентох формулирует ясно и определенно: «Моральные угрызания совести не являются достаточно сильными, чтобы сохранить в обществе порядок» [Ibid., p. 175].

По содержанию новое монографическое исследование В. Шляпентоха представляет собой последовательное, детальное, основанное на анализе тщательно отобранных социологических трудов опровержение современной «генеральной линии» американской, а с нею и всей западной социологии от Парсонса до Фуко. По жанру это социологический памфлет, блестяще написанный, пристрастный, убедительный и злой. Главной мишенью автора является культурологическая интерпретация общества. В XVIII в. эту книгу назвали бы «Антипарсонс».

Тема исследования, вынесенная на обложку книги, – страх. Можно было ожидать, что В. Шляпентох сделает его центральной социологической категорией. Но этого не происходит. Автор дает страху на первой странице самое общее определение далеко не в социологических терминах: «Под страхом я понимаю чувство тревоги, вызванное присутствием реальной или воображаемой опасности». Впоследствии он возвращается к дефиниции страха, извлеченной из текстов американских психологов, как «базовой, негативной эмоциональной реакции на опасность – мнимую или реальную – и ожидание боли». Он обращает внимание на связь страха с неопределенностью и ожиданием будущего [Ibid., p. 1, 124].

В своей прежней книге, написанной в соавторстве с С. Матвеевой, В. Шляпентох определяет страх как «социальное отношение» [Матвеева, Шляпентох, 2000, с. 32], не уточняя, однако, его содержания.

На социальном уровне «страхи отражают в большей или меньшей степени объективные

опасности в обществе (“жесткая реальность”). Я также признаю, что страхи являются ментальной конструкцией, которая может быть вызвана как “мягкой реальностью” (идеологией, исторической памятью и разнообразными индивидуальными психологическими характеристиками), так и эмоциями, такими как любовь, зависть или даже физическая боль. Воображаемые страхи, которые не имеют объективной основы (страх перед несуществующим внешним врагом, например), являются “объективными”, как “реальные” страхи. Генрих Гейне писал, что “воображаемая боль – это тоже боль”» [Slapentokh, 2006, p. 126].

Страх описывается на языке психологии. В социологическом контексте он представлен как важнейший инструмент для поддержания социального порядка. В более ранней работе В. Шляпентох уже обратил внимание на роль страха в формировании жизненных стратегий индивида [Матвеева, Шляпентох, 2000, с. 41]. Здесь он уточняет позицию, выделяя главный источник «позитивного страха» – государство. Социологи, игнорирующие роль страха в обществе, по его мнению, одновременно недооценивают наследие Гоббса, чей «... трезвый анализ власти и государства обладает объяснительной силой», поскольку, во-первых, рассеивает иллюзии относительно способности людей без принуждения соблюдать социальные нормы, а во-вторых, подчеркивает первостепенную роль порядка в жизни общества [Slapentokh, 2006, p. 130]. Здесь его позиция совпадает с мнением А. Филиппова, для которого политическая философия английского мыслителя обладает несомненной актуальностью, поскольку «люди Гоббса» остаются нашими современниками, и чтобы они (мы) не разорвали социальные связи, «суверенная власть... не может не вторгаться не только в область права, но и в область самой морали. Только в государстве есть не просто правила, но инстанция интерпретации, от которой исходят авторитетные суждения о том, что считать скромностью, милосердием, состраданием и т.п. Получается, что для сохранения мира государству, суверену приходится проникать довольно глубоко в ткань социальной жизни». [Филиппов, 2009а].

Социальный порядок и выступает главной категорией исследования. Для Шляпентоха он является «... трансцендентной, универсальной ценностью, которой подчиняются функционирование всех обществ в мире» [Slapentokh, 2006, p. 9]. Порядок поддерживается государством. Социальному порядку противостоят анархия, хаос, преступность. По мнению В. Шляпентоха, на языке социологии нельзя описать социальный порядок, не учитывая эти противоположные ему социальные явления. Те социальные и политические исследователи, которые проходят мимо этого фундаментального основания общественной жизни, не в состоянии представить ее объективную картину [Ibid., p. 11].

Американские социологи в большинстве своем не только недооценивают роль социального порядка в общественной жизни, но и критикуют его с левых и прогрессистских позиций. В последнюю треть XX в. в американской социологии принято «... рассматривать порядок как препятствие для прогресса, идентифицировать (не без оснований) его сторонников с консерватизмом». Автор же, напротив, солидарен с социологами консервативных убеждений, уделивших «... большое внимание социальному порядку как предпосылке прогресса» [Ibid., p. 12].

Ответственность за малый интерес к проблемам социального порядка в американской социологии Шляпентох возлагает на господство культурологической школы, приписывающей решающую роль в поддержании социального порядка культуре с ее системой ценностей, воспринятой гражданами в процессе социализации и передаваемой по наследству. «Парсонсовская концепция с некоторыми модификациями используется как основа для изучения социального порядка студентами как в высшей школе, так и в колледжах» [Ibid., p. 37].

Далее на полсотни страниц В. Шляпентох подвергает критике и эту концепцию, и другие современные социологические интерпретации социального порядка – его основ, содержания и функций. Технически это выглядит следующим образом: автор предъявляет читателю одну за другой объяснительные концепции социального порядка и проверяет их на достоверность результатами конкретных социологических исследований или даже личными наблюдениями. Предлагая читателю концепцию формирования норм снизу, Шляпентох замечает, что ее сторонники, во-первых, не дают ни одного примера того, как эти нормы возникают, а во-вторых, не замечают того, что даже «транспортное сообщение в городах, относительно простая социальная проблема, не может быть урегулирована соглашениями между водителями» [Ibid., p. 36].

Апелляция к здравому смыслу, изъятая из социологических текстов последних десятилетий, здесь снова вступает в свои права.

Чаще всего, конечно, автор оперирует социологическими данными, заимствованными из ав-

торитетных источников. Так, настаивая на том, что нельзя объяснить социальный порядок исключительно усвоенными обществом ценностями, он ссылается на неоднозначное отношение к ценности труда у американских рабочих в 1980-е гг., «когда трудовая этика была выше, чем сегодня». По данным Г. Ганса, «трудящиеся (рабочий класс и нижний средний класс) оценивали свою работу как очень неприятное занятие» [Ibid., p. 42]. Более того, «усвоенные ценности, возможно, играли скромную роль и в поведении американских солдат во время войны. В знаменитом труде *Американский солдат, 1975* ... показывается, что только малая часть американских военных была мотивирована американской системой ценностей и обладала строгой идеологической мотивацией для войны» [Ibid., s. 45].

В. Шляпентох настаивает на том, что социологи, принадлежащие к парсонсовской школе, часто смешивают усвоенные ценности с нормами, которые люди соблюдают из страха перед наказанием за их нарушение. «В процессе социализации люди обучаются формальным правилам, а не ценностям, имеющим моральное измерение», тем более что и корреляция между ценностями и поведением является слабой, в том числе из-за конфликта между ценностями. «Некоторые ценности рассматриваются людьми как ценности для других, а не для себя» [Ibid., p. 62].

В. Шляпентох активно использует термин «негативные ценности», ссылаясь при этом на труды Коллингвуда и Фрейда. Это те поведенческие стандарты, которые разрушают общественный порядок: «оправдывают и поощряют пьянство, употребление наркотиков, насилие, промискуитет, грубость, антиинтеллектуализм». На основе этих ценностей происходит негативная социализация [Ibid., p. 66, 77–79].

Снова и снова В. Шляпентох повторяет свой основной тезис: культурные ценности не могут интегрировать общество, они не в состоянии поддерживать социальный порядок, кроме того, позитивные ценности не формируются спонтанно в социальных низах. Те, кто считает иначе, заблуждаются, поскольку смотрят на общество через призму ложных в своей основе теорий, не замечая очевидного: множество людей нарушают общественный порядок, еще больше людей склонны к подобному рода поступкам, но их останавливает только страх перед наказанием не со стороны общественного мнения, но со стороны государственной власти.

По мнению автора, решающая роль в сохранении общественного порядка принадлежит государству, продуцирующему страх перед санкциями за его нарушение. Шляпентох полемизирует с гуманитариями радикально левой ориентации, прежде всего с М. Фуко. Последний, с точки зрения автора, описывал постепенную экспансию государственной власти начиная с эпохи феодализма как инициированную едва ли не исключительно садистским желанием государственной машины увеличить свой контроль над человеческими существами ... всеми доступными средствами, включая знание» [Ibid., p. 153, 158]. Сходной позиции придерживаются и другие левые, и либералы, привыкшие рассматривать государство как источник зла. Под влиянием все того же Парсонса, продолжает автор, в последние два десятилетия в социологической литературе утвердилась мода «... преуменьшать роль государства как слабого института, или просто игнорировать его» [Ibid., p. 161]. Шляпентох считает иначе: «Я верю, что без государства и его правовой системы порядок не может быть сохранен» [Ibid., p. 174].

Государственное законодательство играет решающую роль и в установлении порядка в обществе. Более того, оно служит источником формирования культуры общества. Ценности элиты находят свое выражение в правовых актах, посредством которых транслируются в общественные низы. «Фактически все нынешние ценности, жизненно важные для общества, утверждены законами и страхом перед санкциями» [Ibid., p. 165].

В Заключении автор вновь возвращается к замыслу книги – показать, что «сохранение социального порядка является важнейшей задачей общества» [Ibid., p. 175]. Порядок не возможен без социального контроля со стороны государства, способного применить силу и вызвать страх у граждан, желающих нарушить этот порядок из эгоистических соображений. Социологи, недооценивающие роль государства в поддержании порядка и преувеличивающие роль культуры в нем, оказывают медвежью услугу обществу.

Теоретическая модель социального порядка, представленная в книге В. Шляпентоха, на самом деле, радикально расходится с генеральной линией западной социологии, придающей исключительное значение социальным регуляторам общественной жизни, – регуляторам, основанным на частных конвенциях, усвоенных ценностях, принятых групповых нормах, взаимном доверии, воз-

никающем в социальных сетях. Автор – этатист старой формации, ведущий свою интеллектуальную родословную от Гоббса, а вовсе не от Дюркгейма или Парсонса. Угол зрения, им выбранный, позволяет увидеть в социальной жизни современного общества то, что обычно ускользает от внимания его оппонентов, – влияние страха на поведение людей – страха, вызываемого самыми различными источниками: от государственных учреждений до социальных ситуаций и неконтролируемых общественных процессов.

Памфлетный жанр книги В. Шляпентоха определяет ее достоинства. В ней не следует искать взвешенных суждений о развитии американской социологической мысли. Задача автора другая – предъявить историю заблуждений западных социальных мыслителей, противопоставив им иную, нелиберальную, традицию в изучении и понимании общества.

Для отечественных социологов особенно интересны нетривиальные размышления автора над некоторыми проблемами нашего социального прошлого и настоящего. Они парадоксальны, глубоки, оригинальны и, естественно, вызывают к дискуссии.

Нельзя не отдать должное литературной форме, в которую заключено это исследование: ясность изложения, точность формулировок, последовательность мысли, превосходный, совсем не «птичий» язык, сдержанный сарказм, яркие иллюстрации и полемический стиль, отточенный в дискуссиях поздней советской эпохи.

Примечательна эволюция автора от прилежного ученика Т. Парсонса, либерала по убеждениям в лагерь традиционалистов, идейных консерваторов, суровых критиков либеральной идеи. На этой тропе Владимир Шляпентох не одинок. Достаточно назвать социологов круга Александра Филиппова, обращающихся в своих интерпретациях новой действительности к авторитарной традиции общественной мысли. Труды Шляпентоха с этой точки зрения интересны прежде всего своей незавершенностью. Они позволяют увидеть процесс, но не конечный, уже застывший в идеологических формулах результат разрыва с либеральным и социалистическим наследием.

Тема страха, брошенная В. Шляпентохом в гуманитарный нарратив, продуктивна также потому, что позволяет завязать дискуссию о границах социологического знания, вернее, об их условности. И не только социологического. Имеет ли право историк, исследующий жизненный мир определенной общественной группы, отворачиваться от его эмоциональной компоненты – не только страха, естественно, но и восторгов, общих переживаний, вообще способов эмоционального реагирования на те или иные события или вещи? Является ли безусловным запрет на изучение социологическими методами социальных аффектов, не следует ли проделать проходы в стене, отделившей социальную психологию от истории? Настолько ли убог здравый смысл, как полагали отцы-основатели европейской, да и отечественной социологии? Вопросов много. Ответы найти можно в том исследовательском поле, которое открывает своими работами Владимир Шляпентох. В любом случае критика доминирующей научной парадигмы является необходимым, хотя и недостаточным условием для научной революции в социологии – революции, запоздавшей на целое поколение.

Примечания

¹ По накалу страстей спор с Шельски напоминал недавнюю полемику отечественных гуманитариев о теоретическом наследии все того же Карла Шмитта [Смирнов, 2009; Михайловский, 2008, с. 158–171; Филиппов, 2009б].

Библиографический список

- Darbois J.-Cl., Schelsky H.* Auf der Suche nach Wirklichkeit. Gesammelte Aufsätze // *Revue française de sociologie*. 1966. № 7 [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/rfsoc_0035-2969_1966_num_7_3_2967/ (дата обращения: 10.11.2010).
- Heinemann K. H.* Der Zeitgeist-Interpret. Der Soziologe Schelsky starb vor 25 Jahren in Münster [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dradio.de/dkultur/sendungen/kalenderblatt/924235/> (дата обращения: 10.11.2010).
- Lepenies W.* Die drei Kulturen. Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft. 3. Aufl. Frankfurt a/M., 2006.
- Malanowski W.* Über Helmut Schelskys «Politik und Publizität». Halbdenkler, Halbblügner, Halbwahrheit // *Der Spiegel*. 1983. 28 Nov. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-14024021.html/> (дата обращения: 10.11.2010).
- Schelsky H.* Zur Entstehungsgeschichte der bundesdeutschen Soziologie: Ein Brief an Rainer Lepsius //

- Rückblicke eines «Anti-Soziologen». Opladen, 1981.
- Schelsky H.* Die Arbeit tun die anderen. Klassenkampf und Priesterherrschaft der Intellektuellen. Opladen, 1975.
- Shlapentokh V.* Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Slapentokh Wl.* Fear in contemporary society. Its negative and positive effects. New York; London, 2006.
- Джонсон Т., Дандекер К., Эшурт К.* Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // Thesis. 1993. Вып. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://igiti.hse.ru/data/096/314/1234/1_2_2John.pdf (дата обращения: 12.11.2010).
- Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова / Ун-т штата Мичиган. М., 1999.
- Матвеева С. Я., Шляпентох В. Э.* Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск, 2000.
- Михайловский А. В.* Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического // Вопр. филос. 2008. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.phil63.ru/borba-za-karla-shmitta> (дата обращения: 12.11.2010).
- Смирнов А.* Не надо заниматься интеллектуальным мошенничеством. 2. Критика политического разума [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Ne-nado-zanimat-sya-intellektual-nym-moshennichestvom-2> (дата обращения: 11.11.2010).
- Титаренко Л. Г.* Современная теоретическая социология. Размышления после конгресса // Социол. исследования. 2009. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/data/988/946/1223/Titarenko_2.pdf (дата обращения: 14.11.2010).
- Филиппов А.* Актуальность философии Гоббса. Статья вторая // Социол. обозрение. 2009а. Т. 8, № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://sociologica.hse.ru/s21/afg2s21.pdf> (дата обращения: 2.11.2010).
- Филиппов А.* Не надо заниматься интеллектуальным мошенничеством. «Революция справа» в пределах только академии. 2009б [Электронный ресурс]. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-rovostka/Ne-nado-zanimat-sya-intellektual-nym-moshennichestvom> (дата обращения: 11.11.2010).
- Филиппов А.* О понятии теоретической социологии // Социол. обозрение. 2008. Т. 7, № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://sociologica.hse.ru/s18/18edu1.pdf> (дата обращения: 13.11.2010).
- Филиппов А.* Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html (дата обращения: 9.11.2010).
- Филиппов А. Ф.* Интеллектуалы как «новый клир» // ФРГ глазами западногерманских социологов: Техника – интеллектуалы – культура. М., 1989.
- Фирсов Б.* Возвращаясь на круги своя: О В. Э. Шляпентохе, его эпохе и его новой книге // Соц. реальность. 2007. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=452> (дата обращения: 17.11.2010).
- Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008.
- Шляпентох В.* Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // НЛЮ. 2007а. № 87 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/672/683/> (дата обращения: 19.11.2010).
- Шляпентох В.* Низвержение имён по-русски // New York Times. 2007б. 5 Oct. / Русский перевод К. Николаева на портале «Социология по-новому» [Электронный ресурс]. URL: <http://socioline.ru/node/750> (дата обращения: 04.11.2010).
- Шляпентох В. Э.* «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» // Телескоп. 2006. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1211644804185600file.pdf (дата обращения: 17.11.2010).
- Шляпентох В. Э.* Равенство и справедливость в России и США // Социол. журнал. 1998. № 3/4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/34-shliar.htm> (дата обращения: 16.11.2010).
- Юнг К. Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. Минск, 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/PSIHO/JUNG/memdreamrefs.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 11.11.2010).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.07.2011